

Т.А. Семенова
T.A. Semenova

**ЭХО Ф. СОЛОГУБА В ОНТОПОЭТИКЕ В. ПЕЛЕВИНА:
К ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
КОНЦЕПЦИИ НЕСОВЕРШЕННОГО ДЕМИУРГА**

**F. SOLOGUB'S ECHO IN V. PELEVIN'S ONTOPOETICS:
TOWARDS A POSTMODERN TRANSFORMATION
OF THE IMPERFECT DEMIURGE CONCEPT**

Статья посвящена выявлению специфики образа творца, представленного в персонажной парадигме большой прозы отечественного писателя В.О. Пелевина. Целью исследования является сопоставление пелевинского божества, способного к трансформации окружающего пространства, с образом несовершенного демиурга, представленного, в частности, в творчестве поэта Серебряного века Ф. Сологуба. Указанием на сологубовскую концепцию в постмодернистском тексте является способность таких героев не только преобразовывать реальность посредством реконструкции и изменения нарратива, но и разрушать – за счет деконструкции, зачастую буквальной, самой истории. Ключевыми методами исследования выступили структурный и сравнительно-исторический методы анализа. Несмотря на обширные исследования интертекстуального кода пелевинской прозы в целом и образа демиурга в частности, сравнение с сологубовским творцом ранее не осуществлялось, что обуславливает новизну работы. В качестве материала исследования привлекается романное творчество В. Пелевина за период с 2004 по 2023 годы. Убедительно доказано, что пелевинские персонажи – скрипторы – представляют собой ненадежных рассказчиков, посредством нарратива создающие субъективную лабильную действительность. Отмечено, что герои конструируют нарратив, не просто объясняющий, описывающий, но и создающий, а также трансформирующий окружающий мир, то есть выполняющий активную созидательную, а не пассивную созерцательную роль. При этом творец, будучи несовершенным в силу своей двойственной природы, может ошибиться или умереть. Выявлен сопутствующий концепции демиурга мотив богоборчества. Так же, как и персонаж в поэтике Ф. Сологуба, постмодернистский герой назван «несовершенным демиургом», конструирующим, под стать себе, амбивалентный мир. Художественный метод В.О. Пелевина строится на интертекстуальной стратегии, поэтому исследование реминисценций и выявление скрытых цитат представляет собой не только захватывающую игру для интеллектуального читателя, но и неиссякаемое поле для изучения его литературной практики.

Ключевые слова: *постмодернистская проза, творчество В.О. Пелевина, интертекстуальность, демиург, теургия, Ф. Сологуб.*

The article is devoted to identifying the creator's image specifics, represented in the character paradigm of the Russian writer V.O. Pelevin's the great prose. The aim of the study is to compare the Pelevin deity, capable of transforming the surrounding space, with the image of an imperfect demiurge, represented, in particular, in F. Sologub's work, the poet of the Silver Age. An indication of Sologubian concept in postmodern text is the ability of such heroes not only to transform reality through reconstruction and narrative change, but also to destroy – through deconstruction, often literal, of story itself. The key research methods were structural and comparative historical methods of analysis. Despite extensive research on the intertextual code of Pelevin's prose in general and demiurge image in particular, comparison with the Sologub's creator has not been carried out before, which determines the novelty of the work. The V. Pelevin's novel work for the period from 2004 to 2023 is used as the research material. It has been convincingly proved that Pelevin's characters, the scriptwriters, are unreliable narrators who create a subjective labile reality through narrative. It is noted that the characters construct a narrative that not only explains, describes, but also creates and transforms the world around them, that is, performs an active creative, rather than a passive contemplative role. At the same time, the creator, being imperfect due to his dual nature, can make a mistake or die. The motive of God-fighting accompanying the concept of the demiurge is revealed., the postmodern hero, is called an "imperfect demiurge" just like the character in F. Sologub's poetics, who constructs an ambivalent world to match himself. V.O. Pelevin's artistic method is based on an intertextual strategy, therefore, the study of reminiscences and the identification of hidden quotations is not only an exciting game for the intellectual reader, but also an inexhaustible field for studying his literary practice.

Key words: postmodern prose, V.O. Pelevin's work, intertextuality, demiurge, theurgy, F. Sologub.

DOI: 10.24888/2079-2638-2024-63-4-74-79

Онтопоэтика играет значительную роль в анализе постмодернистского произведения, вовлекающего читателя в интеллектуальную игру и использующего пастиш, а также аллюзии, реминисценции и отсылки. Интертекстуальные стратегии В. Пелевина широко исследуются современными филологами: вспомним, к примеру, статью К.Ф. Герейхановой и Е.В. Шерчаловой, посвященной сопоставлению романа «Empire V» с «Мастером и Маргаритой» М. Булгакова [2]; исследование модернистских традиций в ранней пелевинской прозе, проведенное Д.В. Кротовой [9]; монографию Л.Г. Кихней и В.А. Гаврикова «Проза Льва Наумова в контексте "мистического реализма" в русской литературе XX–XXI веков», в которой творчество постмодерниста также упомянуто [7]. Впрочем, современное литературоведение не обращалось к изучению пелевинских реминисценций творчества поэтов Серебряного века, в частности, Ф. Сологуба, воплощенное в персонажной парадигме художественного мира Пелевина, что обуславливает новизну работы.

К демиургам можно отнести целый ряд персонажей большой прозы Пелевина: лису А, которая осознает, что наводит морок на весь мир («Священная книга оборотня», 2004); Гольденштерна, воплощающего концепцию солипсизма («Transhumanism Inc.», 2021) [11, 60; 18, 46]; а также героев-рассказчиков, творящих бытие посредством сторителлинга, – Сашу («Непобедимое солнце», 2020), Федора («Тайные виды на гору Фудзи», 2018), Дамилолу («S.N.U.F.F.», 2011), Раму и императора вампиров – Бэтмана Аполло из одноименного романа (диалогия «Empire V», 2006; «Бэтман Аполло», 2013), частично – Мару Гнедых («IPhuck 10», 2017) и полицейско-литературный алгоритм Порфирия Петровича («IPhuck 10»; «Путешествие в Элевсин», 2023, – также в романах именуется Порфирием Камневым, Порфирием и императором Порфирием), Киклопа («Любовь к трем

цукербринам», 2014), императоров Иллизиума (дилогия «Смотритель», 2015), Ариэля и графа Т («т», 2009)¹⁰.

Такой герой может быть назван писателем, или скриптором (вслед за терминологией Я.В. Солдаткиной и О.О. Михайловой [17]). Пелевинские нарративы зачастую чрезмерно субъективны и гиперболизированно сконцентрированы на точке зрения рассказчика, который не всегда является главным героем (так, к примеру, Дамилола рассказывает историю своего соперника Грыма). Персонаж создает и трансформирует мир посредством слов, а не просто рассказывает историю. Г.А. Жиличева называет такого героя «ложным творцом-демиургом» [6]: персонаж представляется нам поддельным, а не истинным властителем и создателем, каким, к примеру, оказывается эон Львиноголовый в романе «Непобедимое солнце», который, согласно сюжету произведения, действительно является богом-творцом, создателем материальной реальности.

Пример ложного творца находим в «iPhuck 10»: упоминается, что главная героиня, Мара, воспринималась как божественная фигура искусственным интеллектом, искусствоведческим алгоритмом Жанной: «Жанна считала меня чем-то вроде *богини*...»¹¹ Она верила, что я могу ее спасти» [15, 318]. В действительности же, как признается сама Мара в третьей части романа, в которой героиня выполняет функцию нарратора, она сама не понимает до конца, как «функционирует» Жанна: «... навыки программиста позволяют мне только *ассистировать* настоящим специалистам и выполнять вспомогательную работу» [15, 303].

Частично образ героини раскрывается в ономастическом коде. Пелевин выбирает имя славянской богини, и сопутствующий ей танатологический мотив реализуется в романе: Мара под гипнозом убивает команду, работающую над созданием Жанны. Добавим, что Мара также является скриптором, программирующем виртуальную действительность посредством вербализованных команд.

В некоторых произведениях возникают специальные компьютерные технологии, и рассказчик-человек становится не нужен (креативный доводчик в романе «S.N.U.F.F.» или литературный алгоритм, которым является Порфирий Петрович). История остается субъективной, становясь одновременно безличной и многоликой, но парадоксальным образом не приближается к бесстрастному объективному стилю повествования, что создает ненадежную наррацию [23] и субъективную реальность [21, 53]. Более того, технологии, призванные отражать реальность объективно, искажают ее. В качестве примера можно привести постановочные войны для съемки снаффов – псевдоновостных передач, сочетающих кинематографический и журналистский подходы – в одноименном романе.

Подспудно отметим ориентацию творчества Пелевина в целом на псевдодокументальность: так, роман «Священная книга оборотня» начинается с комментария эксперта, в котором рассказана история нахождения рукописи, то есть автор убеждает нас, что текст представляет собой бытовые, а не художественные записки. Глубже погрузиться в историю и эмоционально включиться в повествование позволяют также дневниковые записи Рамы, Мары и Федора.

Читателю не дается другая точка зрения, показывающая иную расстановку сил: Дамилола умирает вместе со старым миром, воплощенном в образе разрушающегося Биг Биза, а Грым и Кая уезжают – но как складывается их жизнь «там», мы не знаем. Лиса А отказывается от роли создателя иллюзорного мира: «...как только колеса велосипеда оторвутся от земли, я громко прокричу свое имя и *перестану создавать этот мир*. Наступит удивительная секунда, не похожая ни на одну другую. Потом этот мир исчезнет» [13, 382].

Пример мажорного финала – тоже гротескно субъективного и ироничного – мы видим в романе «Непобедимое солнце»: «С этого дня вы живете в мире, *созданном*

¹⁰ Далее в статье персонажи будут упоминаться без указания названия произведения.

¹¹ Курсив здесь и далее наш – Т.А.

блондинкой. Правда, хорошей, доброй, искренней и передовой, и даже вполне себе духовно продвинутой – но не так чтобы запредельно умной. И не особо дисциплинированной. Короче, просто нормальной современной блондинкой» [12, 697].

Жизнеутверждающим пафосом проникнут и эпилог «iPhuck 10»: несмотря на то, что физически Мара погибает, ее реплика, существующая в иллюзорном пространстве (или душа, как возвышенно рассуждает Порфирий), счастлива.

Демиург обладает властью менять окружающую вселенную, переписывая ее. То есть персонаж-создатель обладает внутри художественного мира более широкими, по сравнению с другими персонажами, «полномочиями»: «Трансцендентальное в повести доступно только автору-демиургу» [22, 438].

Пелевин буквализирует метафоры: так, например, в романе «Непобедимое солнце» «ткань бытия» – это действительно двухмерное полотно, представляющее привычный нам материальный мир («...реальность вдруг оказалась не бесконечным трехмерным миром, а плоским рисунком на ткани – и ткань начала сжиматься. Я тоже была частью рисунка, и меня сжимали вместе с ним. Я знала теперь, что прежде просто воображала трехмерный мир примерно так же, как мы делаем это, когда смотрим кино. А сейчас полотно реальности сворачивалось ...», «Что может произойти с нарисованным на скатерти городом, когда скатерть сворачивают? Нарисованные жители испытают нарисованный ужас... Это было и страшно, и смешно...» [12, 665]), а «книгой жизни» для графа Т оказывается художественный роман среднего качества.

Постмодернист последовательно воплощает постулат философа Ж. Дерриды – «мир есть текст» и подспудно соглашается с утверждением Ж.Ф. Лиотара о завершении эпохи метанарративов [10]: мир субъективен, нет объективной, абсолютной истины и общечеловеческой истории, есть отдельные ризоматичные нарративы. Реальность существует только в контексте ее языковой репрезентации, вместе с уничтожением текста разрушается и материальная действительность.

Распад лингвистической – и вслед за ней физической (или виртуальной) реальности красочно и детально показан в романе «iPhuck 10». В начале – распад на сюжетном уровне: «... как я увидел несущийся ко мне выступ, похожий на красный клык – и в следующий миг врезался в него. Удар был чудовищной силы ... Ко мне уже летела следующая каменная будка. Новый жуткий удар – и я понял, что пришла моя смерть. / Это не были просто виртуальные встряски, безвредные и не оставляющие следа. Меня разрывало на части. <...> Мое программное тело дробили на части красными телефонными будками, его нарезали на узкие полоски: мелкие алгоритмы, из которых я состоял... Меня разбирали на органы» [15, 294–296].

А затем – разрушение на уровне текста: «...боль на выдумки хитра, сказал Государь Николай Павлович. Вероятно, на допросе так называемого "декабриста". Не к тугендбунду, но к бунду просто... Гениально. Существование подобно муке, смешанной с сильнейшим страхом этой муки лишиться. Из такого теста выйдет отличнейшая выпечка. Если что, все каламбуры придуманы и одобрены лично Господом. Ему ничто не мел / <ушваож уйцкфал. дьх фзлавылаФЖВДАлзулкацэ>» [15, 296].

В приведенных в статье примерах отчетливо виден не только созидательный (а вместе с ним – и мотив разрушения), но и богоборческий мотив: одни герои сражаются с ложным демиургом (Грым с Дамилолой, граф Т с Ариэлем, Жанна с Марой), другие – с абстрактной силой и с самим собой (лиса А), чтобы освободить мир от иллюзорных оков и познать истину. В основе этой борьбы лежит ориентация на трансформацию, очищение и, частично, постмодернистскую деконструкцию, за которой у Пелевина всегда следует созидание – либо несовершенной реальности, либо абсолютной пустоты. Уход в никуда, как указывает Чж. Сяотин, становится «визитной карточкой Пелевина». При этом пустота в рамках восточного постмодернизма, к которому исследователь относит творчество Пелевина, представляется субъективной категорией [19, 65] – но субъективной по отношению к автору, то есть к самому Пелевину, а не к его героям.

Т.Р. Аюпов трактует креационистский мотив Пелевина в контексте гностицизма, отмечая, что «...мир [т.е. художественная вселенная В. Пелевина – Т.А.] является даже не иллюзией, а чем-то одновременно и производным, и создающим» [1, 32]. Мы также видим генетическую близость богоборчества героев Пелевина с теургическими идеями Серебряного века, чей поиск выхода из кризиса, осуществляемый посредством религиозных и художественных практик, объясняется переломным историческим моментом и страшной эпохой: «"Свободная теургия", или "цельное творчество", будет активно преобразовать действительность, завершая в некотором смысле акт божественного творения. Помимо этого, должны быть преодолены хаос, тление, несправедливость, смерть и в конечном итоге зло» [16, 64].

Поиски путей «преобразования несовершенной действительности в мир добра и гармонии», как указывает Н.А. Глинкина, – один из доминирующих в творчестве Ф. Сологуба. Исследуя роман «Творимая легенда», литературовед указывает на воплощение в фигуре главного героя, Георгия Тридорова, образа несовершенного создателя [3, 14]. Изучая мифопоэтику романа «Мелкий бес», А.Е. Елубаева также использует этот термин – «несовершенный демиург» – при характеристике Ардальона Передонова [5, 67], а Д.К. Хетагурова выявляет схожий образ и в лирических произведениях символиста [20]. И.Н. Коржова описывает связь демиурга не только с хронотопом – «зыбким миром», но и сюжетом, изменения которого отражают нисходящую трансформацию героя-безумца [8].

Творец оказывается «несовершенным» за счет своей двойственной природы: он и божественный создатель, и обычный человек. Ту же двойственность мы видим и в пелевинских персонажах-демиургах, которые находятся на границе между двух миров: Саша часто называется «просто» блондинкой, даже после воссоздания мира – то есть после соприкосновения с трансцендентным; Рама, как и Киклоп, становятся высшими существами после инициации, а не являются божествами изначально.

А.Н. Губайдуллина высказывает интересное наблюдение: создание для сологубовского демиурга сопряжено с познанием [4, 13]. Так и у Пелевина – мир воссоздается там, куда направлено внимание: «Я провела бесплотным вниманием по тому месту, где полагалось быть правой руке – и пустота ответила легкой электрической щекоткой, уже откуда-то мне знакомой» [12, 690].

И герои Сологуба, заменяющие творца и создающие свой собственный мир, и персонажи Пелевина, пытающиеся найти опору, оставлены богом-творцом. Приведем полностью теологические рассуждения одного из второстепенных персонажей романа «Empire V»: «Наша планета – вовсе не тюрьма. Это очень большой дом. Волшебный дом. Может, где-то внизу в нем есть и тюрьма, но в действительности это дворец Бога. Бога много раз пытались убить, распространяли про него разную клевету, даже сообщали в СМИ, что он женился на проститутке и умер. Но это неправда. Просто никто не знает, в каких комнатах он живет – он их постоянно меняет. Известно только, что в тех комнатах, куда он заходит, чисто убрано и горит свет. А есть комнаты, где он не бывает никогда. И таких все больше и больше. Сначала сквозняки наносят туда гламур и дискурс. А когда они перемешиваются и упревают, на запах прилетают летучие мыши [т.е. вампиры – Т.А.]» [14, 376–377].

Вампиры, к которым теперь относится и главный герой, оказываются, хоть и нечеловеческой, божественной природы, противопоставлены истинному творцу. И если лирический герой Ф. Сологуба создает «спасительную вселенную» [20, 76], то персонажи Пелевина конструируют изначально деструктивный мир.

Впрочем, следует отметить, что богоборческие мотивы встречаются не только в поэтике символизма: вызов божественному бросают герои М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского и мн. др. Пелевин также включает в произведения философские концепции, в частности, осмысляет теологические размышления и наследие Ф. Ницше, что выражено, к примеру, в подзаголовке «Empire V»: «Повесть о настоящем сверхчеловеке», а также цитатах, реминисценциях и пр. Однако ницшеанские мотивы в творчестве постмодерниста еще предстоит исследовать.

1. Аюпов Т.Р. «Художественные реалии» в пелевинской вселенной // *Universum: филология и искусствоведение*. 2023. № 1(103). С. 31–34.
2. Герейханова К.Ф., Шерчалова Е.В. Межвременной диалог в творчестве В. Пелевина // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение*. 2022. № 4(307). С. 45–51.
3. Глинкина Н.А. Роман Ф. Сологуба «Творимая легенда»: проблема художественного синтеза жизнеподобия и условности: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2003.
4. Губайдуллина А.Н. Поэзия Федора Сологуба: Принципы воплощения авторского сознания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2003.
5. Елубаева А.Е. Мифопоэтика романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // *Вестник КазНУ. Серия филологическая*. 2013. № 1–2(141–142). С. 65–70.
6. Жиличева Г.А. Эпизоды текстопорождения в нарративной организации романов В. Пелевина // *Новый филологический вестник*. 2021. № 2(57). С. 75–88.
7. Кихней Л.Г., Гавриков В.А. Проза Льва Наумова в контексте «мистического реализма» в русской литературе XX–XXI веков. М., 2020.
8. Коржова И.Н. Кто открыл неизвестную землю? (Прием двойной мотивировки в творчестве Ф.К. Сологуба и В.В. Набокова) // *Litera*. 2023. № 2. С. 83–93.
9. Кротова Д.В. Модернистские элементы в художественном сознании В. Пелевина // *Словесное искусство Серебряного века и русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»): сборник статей по итогам III Международной конференции (г. Москва, МГОУ, 29–30 июня 2018 г.) / сост. и ред. Л.Ф. Алексеева, В.Н. Климчукова, С.В. Крылова*. С. 72–78.
10. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? М., 1994. С. 307–323.
11. Любарский Р.В. Концепции К. Кастанеды как основополагающий элемент изображения бога в романе В. Пелевина «Transhumanism INC.» // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2023. № 2(49). С. 57–66.
12. Пелевин В.О. Непобедимое солнце. М., 2020.
13. Пелевин В.О. Священная книга оборотня. М., 2011.
14. Пелевин В.О. *Empire V*. СПб, 2021.
15. Пелевин В.О. *iPhuck 10*. М., 2019.
16. Пеняфлор-Рассторгуева Н.В. Эстетико-теургический проект Серебряного века: заметки к интерпретациям феномена теургии // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*. 2017. Вып. 72. С. 61–75.
17. Солдаткина Я.В., Михайлова О.О. Медийные явления в современной русской литературе: учебно-методическое пособие. М., 2019.
18. Сильчева А.Г. Архетип символической матери в структуре персонажной парадигмы художественного мира В. Пелевина // *Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы XVII Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 22–23 апреля 2024 г.)*. С. 41–48.
19. Сяотин Чж. Виктор Пелевин и восточный постмодернизм // *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022. № 2(857). С. 58–69.
20. Хетагурова Д.К. Трансформация богоборческих мотивов в поэзии символизма (К.Д. Бальмонт, Ф.К. Сологуб, А.И. Токаев) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. Вып. 7. С. 73–79.
21. Шамс Айн. Дуализм художественного пространства романа Виктора Пелевина «Generation “П”» // *Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева*. 2021. № 4(113). С. 48–55.
22. Шемякина М.А. Принципы философского конструирования в повести В. Пелевина «Македонская критика французской мысли» // *Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов IX (XXIII) Международной научно-практической конференции молодых ученых (14–16 апреля 2022 г.)*. Вып. 23. С. 437–441.
23. Ширяева Ж.Л., Вовк Е.Ю. Типы ненадежных рассказчиков в литературе // *Современный ученый*. 2021. № 5. С. 182–187.